

Годъ II

Годъ II

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

1915

№ 11

ноябрь

Петроградъ
Серпуховская улица, д. 40.
Тел. 617—61.

Николай Клюевъ.

Растрепало солнце волосы —
 Безъ кудрей, моль, я пригоже,
 На продрогшій лучъ и полосы
 Стелеть блѣсткія рогожи.
 То обшарить кустъ ракитовый,
 То распляшется надъ рѣчкой!..
 У сосѣдокъ не выпытывай:
 Близко милый, аль далечко.—
 За Онежскими порогами
 Есть края, гдѣ избы—горы,
 Гдѣ щетина трубъ съ острогами
 Застыть росные просторы.
 Тамъ могилушка безкrestная
 Безголосьемъ кости нѣжить,
 И луна, какъ свѣчка мѣстная
 Но ночамъ надъ нею брезжить,—
 Привидѣньемъ жуть желѣзная,
 Запахнувшись въ саванъ, бродить;—
 Не съ того-ль, моя болѣзная,
 Солнце тучи хороводить?
 Аль и солнышко отмыкало
 Болѣсть нивъ и бездорожій,
 И землѣ въ поминокъ выткало
 Золоченыя рогожи.

сним С.

Танюша.

Хороша была Танюша, краше не было въ
 селѣ,
 Красной рюшкою по бѣлу сарафанъ на по-
 долѣ.
 У оврага за плетнями ходить Таня ввечеру,
 Мѣсяцъ въ облачномъ туманѣ водить съ
 тучами игру.
 Вышелъ парень, поклонился кучерявой го-
 ловой:
 „Ты прощай ли моя радость, я женюся на
 другой“.
 Поблѣднѣла, словно саванъ, схолодѣла, какъ
 роса,
 Душегубкою-змѣюю развилась ея коса.
 „Ой ты, парень синеглазый, не въ обиду я
 скажу,
 Я пришла тебѣ сказаться за другого вы-
 хожу“.
 Не заутренніе звоны, а вѣнчальный пере-
 кликъ,
 Скачетъ свадьба на телѣгахъ, верховые
 прячутъ ликъ.
 Не кукушки загрузили, плачешь Танина
 родня,
 На вискъ у Тани рана отъ лихого кистеня.
 Алымъ вѣнчикомъ кровинки заеклися на
 челѣ,
 Хороша была Танюша, краше не было въ
 селѣ.

Юрій Верховскій.

Ты—ребенокъ, рѣзвый, милый,
 Нѣжный, чуткій и прекрасный,—
 Ты связалъ меня всей силой
 Страсти жгучей и опасной.
 Но красой своею строгой
 На уста кладешь запреты.
 Сердца скорбнаго не трогай.
 Я пойду своей дорогой.
 Я уже не знаю, гдѣ ты.

Юрій Верховскій.

Прогулка.

Помню лѣтнюю прогулку въ тѣ далекіе
 года.
 Мы — влюбленные мальчишки, ты—рѣзва и
 молода
 Безпричинное веселье, трели смѣха, искры
 взгляда,
 Живость быстрая походки, легкость свѣт-
 лаго наряда
 Было радостно и мило не одной тебѣ—и
 намъ,
 Что равно повелѣваешь ты, богиня, тремъ
 сердцамъ.
 Помню, ты, шая, фуражку вдругъ взяла
 у кавалера;
 Начала переполняться моего веселья мѣра;
 Помню, какъ околышъ синій и блестящій
 козырекъ
 Шли сверкающей улыбкѣ и румянцу нѣж-
 ныхъ щекъ;
 Какъ завидовалъ я тайно; и—въ весельи
 и въ печали,
 Какъ въ груди съ безпечнымъ смѣхомъ сле-
 зы жгучія дрожали.
 Но улыбка — примиряла, побѣждала на-
 всегда
 Въ ту іюньскую прогулку, въ тѣ далекіе
 года.

М. Левбергъ.

Горы въ туманѣ грустны...
 Что же со мной?
 Снова, какъ прежде, ясны
 Въ дѣтствѣ забытые сны
 Сказки родной.
 Хочешь с мною мечтать?
 Ты мнѣ близка.
 Знаешь, мы будемъ молчать—
 Намъ не посмѣетъ мѣшать
 Злая тоска.
 Больше не будетъ тревогъ;
 Въ бурности ложь.
 Синій завѣтный цвѣтокъ
 (Намъ подарилъ его Богъ)
 Чудно хорошъ.